

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 15—25.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 4. P. 15—25.

Научная статья

УДК 821.111"19"

DOI: 10.46726/И.2022.4.2

ФАКТ И ВЫМЫСЕЛ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ ДЖУДИТ КЕРР «ИЗ ВРЕМЕН ФАШИЗМА»

Дарья Викторовна Демьяненко, Ксения Юрьевна Разумахина

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, ddemyanenkova@bk.ru, razumakhina.kseniya@inbox.ru

Аннотация. Трилогия Джудит Керр «Из времен фашизма», написанная в 1971—1978 годах и выпущенная на русском языке издательством «Белая ворона» в 2019—2021 годах, представляет перспективный объект для исследования по ряду причин. Во-первых, из-за темы: в романах, входящих в трилогию, описывается миграция немецкой семьи с еврейскими корнями в годы, предвещающие Вторую мировую войну, и во время нее. Во-вторых, писательница в различных интервью обращала внимание на соотношение своей жизни с событиями трилогии. Поднимается вопрос об автобиографичности рассматриваемых текстов, взаимодействии в тексте факта и вымысла. Присутствие автобиографических черт в художественной литературе активно изучается в литературоведческих исследованиях начала XXI века, в основном в контексте соотношения жизни писателя с его текстами. В художественной прозе автобиографичность может являться и художественным приемом, содержащим в себе как факт, так и вымысел. Для выявления специфики автобиографических черт в выбранных текстах, с одной стороны, рассматривается ряд особенностей, свойственных автобиографиям: использование единого эгоцентричного сознания, объединение объекта и субъекта повествования, композиционно-сюжетная гетерогенность повествования, а также прием ретроспекции. С другой стороны, приводятся биографические предпосылки создания текста, рассматривается их трансформация в связи с художественными задачами автора. Синтез факта и вымысла создает единый художественный мир произведений, с одной стороны, имеющий историческую основу, с другой же, дополненный автором, отделенным от героини трилогии и переживаемых ею событий, временной и возрастной дистанцией. Граница между фактом и вымыслом подчас трудно различима, так как вымысел произрастает из реальных событий, создается на их основе, обростает правдоподобно выглядящими деталями.

Ключевые слова: автобиография, Керр, сознание, нарратор, детская литература, Вторая мировая война

Для цитирования: Демьяненко Д.В., Разумахина К.Ю. Факт и вымысел в автобиографической трилогии Джудит Керр «Из времен фашизма» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 15—25.

© Демьяненко Д.В., Разумахина К.Ю., 2022

Original Article

THE FACT AND THE FICTION IN JUDITH KERR'S AUTOBIOGRAPHIC TRILOGY "OUT OF THE HITLER TIME"

Daria V. Demianenkova, Kseniya Yu. Razumakhina

Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russian Federation,
 ddemyanenkova@bk.ru, razumakhina.kseniya@inbox.ru

Abstract. Judith Kerr's trilogy "Out of the Hitler Time" was published in 1971—1978. However, its Russian translation was released by "Albus Corvus" Publishing House only in 2019—2021. The trilogy is the perspective object for research because of several reasons. Firstly, because of the theme. The novels, of which the trilogy consists, tell about the Jewish German family's years of migration in the period before The Second World War and during it. Secondly, the author drew attention to the connection between her life and the trilogy in different interviews. Autobiographical features in fiction are actively researched in literary studies at the beginning of the 21st century. They are considered mainly in the context of the relationship between the writer's life and his texts. It could also be interpreted as a special artistic device used by the author combining both fact and fiction. On the one hand, to reach the goal of defining the specification of autobiographic features in Kerr's trilogy, it's necessary to determine the autobiographical features in researched texts. There are such features as the use of a single egocentric consciousness, the merger of a narration object and a narration subject, the compositional and plot heterogeneity, and the retrospection technique. On the other hand, the biographical background for creating the text is given in the article. Their transformation corresponds with the author's literary goals. The synthesis of fact and fiction creates a single fictional world of literary works, on the one hand having a historical basis, on the other hand, created by the author, separated from the heroine of the trilogy and separated from the events she experiences by time and age distance. The boundary between fact and fiction is sometimes difficult to distinguish, because fiction grows out of real events, on the basis of which it is created, and consists of believable details.

Keywords: autobiography, Kerr, consciousness, narrator, children literature, Second World War

For citation: Demianenkova D.V., Razumakhina K.U. The fact and the fiction in Judith Kerr's autobiographic trilogy "Out of the Hitler Time", *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 4, pp. 15—25.

Личность автора издавна привлекает читателя, а тексты часто соотносятся с жизнью их создателя. Самую правдивую историю надеются услышать от того, кто ее прожил. Однако, рассказывая о своей жизни или вплетая ее события в ткань повествования, каждый волен вносить изменения, добавлять в фактологический материал вымысел. Факт и вымысел и их соотношение становится объектом интереса исследователей такого жанра, как автобиография.

К известным отечественным исследователям жанра автобиографии можно отнести М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Л.Я. Гинзбург, Н.А. Николину. В современном литературоведении существует широкий круг понятий, которые используются для общего обозначения биографий, дневников и автобиографий, мемуаров и других родственных жанров. Их общее название варьируется от «документальной литературы» (Местергази, Гаранин) до «литературы воспоминаний» и «мемуаристики» (Нюбина, Тартаковский, Петрышева). Несмотря на различия в терминологии, все вышеупомянутые

исследователи сходятся в выделении основных характеристик произведений, относящихся к литературе воспоминаний:

1. Использование одного эгоцентрического сознания, составляющего ментально-психологический и эмоциональный центр текста;
2. Объединение в единое целое автора, рассказчика и протагониста;
3. Композиционно-сюжетная гетерогенность повествования, обусловленная прагматическими особенностями процессов человеческого разума (таких, как запоминания и воспоминания);
4. Ретроспекция как принцип движения временного повествования от начала к концу, в основе которой находится процесс воспоминания субъекта речи [Сапожникова: 54].

Автобиографические черты часто фигурируют в художественной литературе не только «взрослой», но и детской. Одним из подтверждений тому является автобиографическая трилогия Джудит Керр «Во времена фашизма» (“*Out of the Hitler Time*”), состоящая из романов «Как Гитлер украл розового кролика» (“*When Hitler Stole Pink Rabbit*”, 1971), «Как Бог съел что-то не то» (“*The Other Way Round*”, 1975), «А мама дома?» (“*A Small Person Far Away*”, 1978)¹.

Джудит Керр родилась в 1923 году в Германии в семье композитора Джулии Керр и Альфреда Керра (1867—1948), впоследствии одного из самых разыскиваемых нацистами писателей. Супружеская чета Керров со своими детьми, сыном Майклом и дочерью Джудит, вынуждена была покинуть Берлин в 1933 г. Для Керров нацизм был реальной угрозой как из-за активной антифашистской писательской деятельности Альфреда Керра, так и из-за их еврейского происхождения. Семье пришлось эмигрировать в Швейцарию, Францию, а затем в Англию, где дети наконец смогли устроить свою жизнь.

Историю своей жизни Джудит Керр поведала миру в трилогии «Во времена фашизма». Вот только в центре разыгравшейся трагедии оказалась не маленькая и постепенно взрослеющая Джудит, а героиня Анна. Первая часть трилогии ориентирована на читателя-ребенка (6—9 лет), вторая и третья части адресованы уже читателю-подростку и читателю-взрослому, ведь сама Анна растет и меняется вместе с читателем.

Сопоставление биографий Керр и ее героини Анны возможно как благодаря письмам писательницы и ее брата Майкла к их отцу, так и работам Альфреда Керра, и в последствии исследованиям, посвященным его жизни и творчеству. Керр провел пятнадцать лет в качестве беженца в странах Европы, и в своих наблюдениях, которые он облакал в различные литературные формы, он по-своему остроумно схватывал события, которые и сегодня захватывают читателя и рассказывают ему о временах изгнания. Из этого периода сохранились рукописи романов и сценариев, радиолекции для Би-би-си, речи для немецкого ПЕН-клуба в Лондоне, стихи, листовки, статьи для различных эмиграционных журналов, биографические и репарационные документы и письма. Переписка не только с его детьми, когда те были оставлены одни в Швейцарии, пока Керр с супругой искали средства к существованию в Париже, но и отчаянные письма Джулии Керр мужу, когда она видит самоубийство единственным возможным выходом, а также переписка семьи во время интернирования Майкла Керра в Англии и встревоженные строки Керр своей матери, которая после 1945 года возвращается в Германию.

¹ Здесь и далее названия даны в переводе издательства «Белая ворона».

В трилогии Керр описала период с февраля 1933 года до осени 1956 года. Эта трилогия одна из первых посвящена миру, изменяющемуся под воздействием событий Второй мировой войны, рассказывающая о немецких изгнанниках, и в то же время обращена к детям и молодежи. С одной стороны, как многие тексты детской литературы (А.А. Милн «Винни-Пух», Л. Кэрролл «Алиса в стране чудес»), произведения Керр ориентированы на конкретных детей, ее собственных. С другой стороны, этот жанр должен помочь сохранить перспективу вспоминаемого себя. Повествование ведется не от первого лица, а от третьего. Несмотря на дистанцированность автора и героя, образ мышления ребенка сохраняется в передаче слов и мыслей героини. Фокусировка носит образный и внутренний характер, поэтому знание ограничено на когнитивном уровне и окрашено точкой зрения ребенка, вовлеченного в происходящее. Поскольку Керр особенно освещает повседневную жизнь во всех ее аспектах, трилогия также приобретает значение в отношении изучения жизни «маленьких людей» в изгнании, поскольку семейные, финансовые и социальные трудности Керров почти не отличаются от тех, что были у других эмигрантов. Так, во второй книге трилогии представлена сцена, в которой Анна с мамой сидят в комнате ожидания в Организации помощи еврейским беженцам в Германии. Во время диалога с четой, сидящей напротив, Анна узнает, что те стали свидетелями ужасной картины, которая, однако, не кажется никому из присутствующих удивительной: «Там был один несчастный старик... Он думал, его документы в порядке. А его стали бить — кулаками, ногами. И потом закричали: а вы проваливайте. Но мы до вас доберемся! Мы вас всех позже прикончим!» [Керр 2019: 32].

Выбор представления событий с точки зрения вспоминаемого ребенком, а также обращение к собственным детям означает, что автор подчеркивает одни события, ослабляя или опуская другие. Эти сознательные пробелы не должны рассматриваться ни как фальсификации, ни как свидетельство неправды, но они обладают такой же выразительностью, как и эпизоды, литературно оформленные в произведении памяти.

Невозможно полностью определить текст как автобиографический на основе языково-структурных критериев. Филипп Лежен пытался разрешить данную проблему своей теорией «автобиографического пакта» не на производственно-эстетическом, а на рецепционно-эстетическом уровне, чтобы пролить свет на родовую проблему автобиографии. Лежен отличает грамматическое лицо от личности референтного субъекта, поскольку Я текста не всегда относится к автору и использование личных имен необходимо. Отсюда он заключает, что автобиографию можно анализировать только по имени собственному, и предполагает, что автор, рассказчик и главный герой имеют в автобиографии одно и то же имя [Lejeune: 384]. Таким образом, автобиографический пакт следует понимать как функцию в тексте, соглашение.

Трилогия, написанная от третьего лица, представляет собой пограничный случай. Однако неспособность Керр выполнить пакт посредством грамматической транспозиции не означает, что произведения следует читать как чистый вымысел. Функция изменения имени и использование третьего лица являются преднамеренными стилистическими приемами, которые служат для дистанцирования и стилизации прошлого.

Трилогия структурно характеризуется напряжением между беллетризацией и обещанием подлинности, то есть двумя противоречивыми текстовыми стратегиями: «вымышленным контрактом» в понимании Изера [Изер: 23—40]

и «автобиографическим пактом» по Лежену. С одной стороны, беллетризация есть результат работы памяти, происходящей в эстетизирующем процессе. Кроме того, Керр использует возможности, предлагаемые романом, и перенимает структурные элементы романа-воспитания и романа для девочек. Тексты Керр имеет смысл рассматривать не как чистый вымысел, а как автобиографический вымысел, в котором беллетризация и аутентичность не компенсируют друг друга, а образуют особую структуру рецепции. В трилогии Керр опыт и последствия изгнания закодированы во внешне простой структуре, в которой внешний и внутренний миры опыта соотносятся друг с другом. За тонко разработанной структурой скрывается достоверная картина жизни в изгнании, романы уделяют особое внимание проблемам, возникающим в бытовой и семейной жизни.

В тексте романов в завуалированной форме присутствует намек на тождество главной героини и автора. Это позволяет поставить вопрос о разграничении факта и вымысла. Керр рассказывает историю своей жизни через призму восприятия другого человека, что приводит к проблеме идентичности: насколько «я» Керр в момент написания романов и «я», описываемое в текстах, действительно одно лицо. Процесс поиска идентичности есть процесс поиска своего «я».

В трилогии Керр оперирует фактами своей биографии, однако ни разу напрямую не указывает на тождество между собой и главной героиней. Автор пытается представить свое детское восприятие событий, не выходя за рамки детского взгляда, однако голос взрослой Керр, смотрящей как бы со стороны на саму себя, периодически прорывает текст романа. Так, например, в самом начале романа «Как Гитлер украл розового кролика» автор, описывая одежду Анны, отмечает, что «для своих девяти лет Анна была маловата ростом, и концы ее шарфа свисали почти до самых колен» [Керр 2017: 9]. Подобная фраза принадлежит, скорее, взрослому человеку, смотрящему на ребенка, чем самому ребенку. Внутренний и внешний миры главной героини передаются с помощью речи Анны: ее мыслей, диалогов с другими персонажами. Подробность их воспроизведения указывает на присутствие в тексте элемента реконструкции, невозможной без вымысла, в том числе и по причине временной дистанции между реальным опытом автора и их записью.

В работе «Вопросы литературной эстетики» М.М. Бахтин отмечал, что в хронотопе «имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом» [Бахтин: 244]. Как позже отмечал Н.Д. Тамарченко в книге «Теория литературы», «семиотическую природу знаков художественного языка обретают фундаментальные соотношенности <...> линейного — циклического <...>» [Теория литературы: 30—32]. А «крайними пределами подсистемы художественных значимостей являются наиболее генерализованные кругозоры: героя (внутренний хронотоп личности) и автора (внешний хронотоп мира, облегающего героя)» [Теория литературы: 30—32]. Тамарченко отмечает, что линейное разворачивание не обязательно противостоит циклическому, поскольку простая линейная последовательность событий не всегда может являться сюжетом, потому реально существующие антиподы — циклическая схема и кумулятивная, представляющая собой «нанизывание» однородных событий / персонажей вплоть до катастрофы. Как правило, циклическое «обрамление» сочетается с «нанизыванием» событий внутри рамки. При этом, как показал Ю.М. Лотман, взаимодействие этих двух принципов сюжетостроения непосредственно связано с соотношением случая и необходимости [Теория литературы: 30—32].

Действие трилогии Керр «Во времена фашизма» начинается за несколько дней до бегства семьи из Германии в феврале 1933 г. Поскольку впоследствии семье приходится несколько раз переезжать, мотив путешествия повторяется в течение трилогии: в частности, в тексте регулярно возникают поездки героев на поезде. Мотив путешествия смешан с элементами автобиографии.

В трилогии Керр жизнь главной героини прослеживается линейно. Но повторение некоторых сюжетных линий в текстах, например, поездка на поезде, путешествие в неизвестность, показывает, что формула, известная как изгнание — «однажды изгнанник — всегда изгнанник» — прослеживается во всех трех романах. Определенные переживания и эмоции, вызванные побегом, повторяются в произведениях. Джозеф Кэмпбелл объясняет это в своем исследовании структуры путешествия в работе «Тысячеликий герой»: «Мифы, фантазии и истории этого мира состоят из архетипических символов и структур. Они возвращаются с такой регулярностью и единообразием, что кажутся представляющими коллективную природу и действительными для всего человечества. Из этого следует, что они могут быть интегрированы в всеобъемлющий мономиф с определенными компонентами. Одна из составляющих приключения как целого — сам путь. Архетипическая структура путешествия делится на отъезд, посвящение и возвращение домой. Физическое путешествие — это движение от известного к неизвестному. Однако физическое движение само по себе не так важно, за исключением перехода из одной среды в другую. Что еще более важно, это также путешествие открытий, которое, в конце концов, является метафорой путешествия, которое можно понять психологически. Самым важным аспектом путешествия является инициация: в этот момент путешественник испытывает повышенное восприятие и понимание самого себя» [Кэмпбелл: 352].

Написание истории жизни должно противодействовать забвению истории. Керр разрабатывала ее в трех томах: первый охватывает последние дни девятилетней главной героини Анны в Германии, бегство и первые два года изгнания в Швейцарии и Франции перед отъездом в Англию. Рассказ разделен на 24 короткие главы с номерами в качестве заголовков. Такое структурирование, вероятно, было выбрано с учетом интересов ребенка-читателя. Центральными проблемами здесь являются язык, стигматизация и понижение статуса.

Второй том состоит из двух частей, которые также разделены на двенадцать последовательно пронумерованных глав, хотя разделение на два больших раздела непонятно, так как переход не является поворотным моментом. В этом томе описываются годы, проведенные главной героиней в Англии с 1940 по 1945 гг. Здесь насыщенная событиями структура первого тома преобразовывается в пользу рефлексивной связи между субъективным опытом и историческими событиями. В качестве основных тем автор выбирает воздушную бомбардировку Лондона, интернирование брата и взросление главной героини.

Последняя часть трилогии приобретает другую форму и показывает иное отношение, поскольку на внутридиегетическом уровне разработаны только шесть дней из жизни главной героини, которые описывают обстоятельства жизни после изгнания. Роман разделен на главы, которые обозначены названиями дней недели — период интрадиегетического повествования длится с субботы до следующего четверга, но линейное повествование постоянно прерывается вторжением желаемых и нежелательных воспоминаний, экстрадиегетических аналепсисов. Эти воспоминания одновременно выполняют

функции и ретардации, и ретроспекции. С одной стороны, прерывая основное повествование, с другой же, обращаясь к событиям более ранним. Основное повествование относится к 1956 году, времени народного восстания в Венгрии, которое совпало с Суэцким кризисом, когда Израиль, Франция и Великобритания напали на Египет с целью захвата Суэцкого канала. Личный кризис совпадает с международным: главная героиня покидает Англию, чтобы отправиться к своей матери в Берлин, потому что та находится в коме после попытки самоубийства. Беседы, попытка понять поступок матери и столкновение с воспоминаниями о детстве еще раз напоминают переживания побега и жизни в изгнании, психологический ущерб становится видимым.

Хотя фамилия семьи никогда не упоминается в романах, соотношение с биографией автора очевидно: отец — известный театральный критик из Берлина. И выбор имен главных героев также можно почерпнуть из биографии Джудит Керр: ее имя при рождении — Анна Джудит Гертруда Хелен Керр. В Англии ее имя англицизируется, что сначала приводит к обращению Энн Джудит Керр, а затем сокращается до Джудит Керр. Майкл Керр убеждал сестру не использовать его реальное имя в романе — пока трилогия не была опубликована, он не признавался в своем происхождении. Это его имя в трилогии — «Макс». Автор избегает выбора новых имен для родителей, называя их обоих исключительно «папа» и «мама».

Анализ произведений действительно показывает различные формы отклонений от исторической фактичности, которые оправдываются разными причинами: практически весь текст строится по принципу стилизации, при этом необходимо выделить два расходящихся типа стилизации: то, что можно назвать «желаемой автобиографией», а также преднамеренное стилистическое оформление произведения. Анализ отклонений должен дать понять, что сдвиги в значительной степени характеризуют текст. Сама Керр объясняла, что ее жизненная история основана не только на фактах, но и на стремлении к правде. Керр утверждала, что все это — история, но она представлена в форме романа, а не мемуара. Поскольку дневников у Керр не было, она полагалась исключительно на свою память: «В конечном итоге детали не важны, важно, чтобы чувства были правдой» [Interview...].

Основа оценки воспоминаний не историческая, объективно проверяемая истина, а правдивость индивидуума, вспоминающего себя. Претензия на истину трансформируется и заменяется требованием подлинности, которое Керр стремится выполнить.

Из-за постоянных новых переживаний истины прошлого меняются: то, что хранится в памяти, претерпевает постоянные изменения, что особенно ясно в третьей части трилогии. Таким образом, автобиографический текст следует читать в большой зависимости от вспоминающего Я, а не от реальных переживаний. Переосмысление своего прошлого имеет для Керр освобождающую функцию: в процессе создания трилогии она становится автором своей жизни. Именно неполнота памяти открывает возможность создания художественной конфигурации, эстетического оформления: природа человеческой памяти становится воротами для воображения и, следовательно, причиной художественного переосмысления автобиографии.

В ее изображении переживаний в повествовании доминирует не вспоминающее «я», а эмоциональный ландшафт, в котором движется вспоминаемое «я». Следовательно, фокализация является внутренней, поскольку основана на перспективе главного героя. Таким образом, знания

ограничены и окрашены взглядом ребенка, вовлеченного в события. Так, описание отъезда Анны из Берлина не включает в себя чувства страха или ужаса, напротив, на первый план выходят волнение и восторженное ожидание: было приятно и авантюрно быть беженкой, не иметь дома и не знать, где она будет жить. Это звучало захватывающе. Анна так представляла свое будущее: «дом в горах <...> козы <...> коровы»² [Керр 2009: 37]. Ей было почти стыдно признаваться в этом, но чем дольше она думала о переезде, тем больше ей этого хотелось. Побывать в незнакомой стране, где все иначе. Напряжение главной героини до и во время путешествия автор описывает как приключение. Точка зрения главной героини на происходящие события позволяет наиболее ярко продемонстрировать невыносимую ситуацию изгнания. В линейной презентации читатель переживает — по меньшей мере, в первых двух томах — только то, что испытывает, думает и чувствует главная героиня Анна.

С точки зрения повествовательной перспективы как синтеза планов нарративного художественного текста, можно говорить об образе автора как субъекта повествования, неидентичного категории субъекта текста. Авторская точка зрения выражается в тексте через призму восприятия главной героини благодаря определенным семантическим свойствам языковых элементов. Так, «лексические и грамматические единицы языка служат средствами формирования повествовательного модуса, варьирующегося в зависимости от авторского замысла как модус изложения, воспоминания или воображения» [Шипова: 161], что дает возможность в некоторой степени определить авторское отношение к содержанию текста или его фрагмента.

Авторский самоанализ внедряется в сознание вспоминающего ребенка, который представляет собой призму, через которую воспринимается то, что произошло, и с точки зрения которого создается рассказываемый мир. Так, например, первое слово трилогии — «Анна». Рассказчица идентифицирует девушку по имени, но не дает ей авторскую характеристику. Главная героиня менее описана, чем показана в эпизодической структуре романа своими действиями. Об Анне читатель в начале трилогии знает только то, что она невысокая. Во втором романе портрет дополняется благодаря мыслям героини о том, что, по ее мнению, она «выглядела опрятно, но невзрачно. Маленькое существо в темном: «...в зеркале ее все раздражало: темные волосы, зеленые глаза, свехсерьезное лицо» [Керр 2019: 11]. Действия Анны оказываются более показательными для формирования образа героини. Например, то, как Анна прощается с домом, который семья вынуждена покинуть, дает гораздо более точную характеристику девочки как человека чувствительного и эмоционального: «...до свидания, прихожая!.. Прощай, гостиная! <...> До свидания, занавески! <...> Прощай, дверца в чуланчик!» [Керр 2017: 38].

По мере развития трилогии тексты адаптируются к развитию сознания Анны, а рассказчик, особенно в третьем томе, также охватывает бессознательное. В трилогии и повествователь, и главная героиня являются центрами, создающими смысл, т. к. даже если повествователь принимает личную точку зрения, он все равно присутствует в повествовании. С помощью вспоминаемых событий Керр объективирует субъективное и историческое время. В результате темпоральность является решающей структурной особенностью трилогии.

---

² Здесь и далее перевод Д.В. Демьянковой.

Как любой автобиограф, Керр столкнулась с невозможностью описать всю свою жизнь. Потому рассказанное фрагментарно по отношению к жизни в целом, но, тем не менее, должно отражать реальность этапов жизни. Скачки во времени, которые можно обнаружить в трилогии, могут быть оправданы своей необходимостью. С одной стороны, критерий релевантности того, что запоминается, играет роль; с другой стороны, из-за изначальной ориентации на собственных детей как ожидаемых читателей, опускаются периоды времени, которые воспринимаются как особенно удручающие или приводят к конфликту лояльности со своими родителями или Англией как принимающей страной. Один из примеров — годы между первым и вторым томом, которые Керр проводит в английской школе-интернате, где она сильно страдает от одиночества, невключенности в социум, что ярко показано в письмах ее родителям, сохраненных в архиве Альфреда Керра. Об Анне же в этот период известно следующее: ей пришлось перейти в школу-интернат, потому что у родителей закончились деньги, и теперь у семьи не было возможностей оплачивать Анне гостиничную комнату, по той же причине девушка оказалась в доме у Бартоломею, друга семьи. В начале второй части трилогии читатель узнает, что моральное состояние главной героини близко к отчаянию.

Тексты Керр показывают, что сны, игры и страхи как координаты памяти предлагают временные закономерности, которые необходимо рассматривать как временные, реальные перспективы. В третьей части главная героиня возвращается на место первых лет жизни, но даже при физическом возвращении к местам воспоминания она не может вернуться к тому, что помнит, к ощущениям, которые были у нее в детстве. Попав на улицу, где раньше находился ее дом, Анна вспоминает о своей детской игрушке, ее охватывает ностальгия: «Как-то летом Анна сидела в тени под грушей с няней Хеймпи и смотрела, как она вышивает глаза розовому кролику — вместо выпавших стеклянных. Кролик был любимой мягкой игрушкой Анны» [Kerr 2013: 137]. В этот момент главная героиня в очередной раз задумалась, что же стало с ее кроликом. Стоя на дороге и наблюдая за домом, Анна вспоминает, как любила взбегать «по ступенькам с криками: “А мама дома?”» [Kerr 2013: 160]. Именно эту фразу переводчик выносит в заглавие финального романа трилогии, однако стоит обратить внимание, что оригинальное название романа — “A Small Person Far Away” — придает другую фоновую окраску всему произведению.

Как следует из названия первого романа, Керр находится в своеобразном поиске утраченного времени детства. Однако перед лицом прошлого и настоящего историческое место детства невозможно найти снова, потому что оно никогда не было реальным в смысле географического измерения, но основывалось на атмосфере. Время и пространство не могут снова ожить во время путешествий, только в памяти, обратимой во времени.

Таким образом, было установлено, что трилогия Керр «Во времена фашизма» отвечает признакам литературы воспоминания. Так, личность главной героини и автора, с одной стороны, тождественны, что подтверждают задокументированные факты биографии Керр и ее семьи; с другой же стороны, выбор повествования от третьего лица позволяет сочетать оценки автора в описании и ощущения героини. В трилогии соблюден принцип гетерогенности повествования, связанный с нахождением в центре сознания героя. События, происходящие с героиней, представляют линейное повествование, а всплывающие воспоминания демонстрируют возможности человеческого

сознания и носят функции как ретардации, так и ретроспекции. При этом сознание героини в описываемом возрасте воссоздано за счет передачи ее речи и мыслей.

Несмотря на ряд выявленных черт автобиографического повествования, трилогия не является сугубо документальным источником, а строится в соответствии с художественными целями автора. К ним относятся: использование диалогов между упоминаемыми лицами, сны героини, ретранслирующие ее состояние и ее переживания, мелкие бытовые события, связанные с повседневной жизнью семьи. Факт и вымысел сливаются воедино, создавая единый художественный мир, правдоподобно отражающий действительность, но окрашенную в то же время восприятием выбранного центрального героя и его возрастными особенностями.

Список литературы / References

- Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
(Bakhtin M.M. Problems of literature and esthetics. Moscow, 1975. 504 p. — In Russ.)
- Изер В. Вымыслообразующие акты. Глава из книги «Вымышленное и воображаемое: набросок литературной антропологии» / пер. с англ. Г. Дашевского // НЛЮ. 1997. № 27. С. 23—40.
(Izer W. Fiction-Forming Acts. The chapter from the Book “The Fictitious and the Imaginary: A Sketch of Literature Anthropology”, transl. by G. Dashevskiy, *New Literary review*, 1997, № 27, pp. 23—40. — In Russ.)
- Керр Дж. А мама дома? М.: Альбус корвус, 2021. 247 с.
(Kerr J. A Small Person Far Away, Moscow, 2021, 247 p. — In Russ.)
- Керр Дж. Как Бог съел что-то не то. М.: Альбус корвус, 2019. 261 с.
(Kerr J. Bombs on Aunt Dainty, Moscow, 2019, 261 p. — In Russ.)
- Керр Дж. Как Гитлер украл розового кролика. М.: Альбус корвус, 2017. 264 с.
(Kerr J. When Hitler Stole Pink Rabbit, Moscow, 2017, 264 p. — In Russ.)
- Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2018. 352 с.
(Campbell J. The Hero with a Thousand Faces, St. Petersburg, 2018, 352 p. — In Russ.)
- Сапожникова Ю.Л. Жанр автобиографии: понятие и особенности // Ученые записки ЗабГГПУ. Серия: Филология, история, востоковедение. 2012. № 2. С. 54—56.
(Sapognikova U.L. Genre of autobiography: concept and features. *Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series: Philology, history, oriental studies*, 2012, № 2, pp. 54—56. — In Russ.)
- Теория литературы: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тмарченко. Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: АCADEMIA, 2004. 511 с.
(The theory of literature: in 2 vols., ed. by N.D. Tamarchenko, vol. 1. The Theory of fictional discourse. Theoretical poetics. Moscow, 2004, 511 p. — In Russ.)
- Шипова И.А. Повествовательная перспектива, тип повествовательных форм и категории субъекта как знаки нарративного художественного текста // Вестник ВГУ. Серия 2. Языкознание. 2016. № 1 (30). С. 161—166.
(Shipova I.A. Narrative perspective, type of narrative forms and subject categories as the signs of a narrative literary text, *Proceeding of VSU. Series 2. Linguistics*, 2016, № 1 (30), pp. 161—166. — In Russ.)

Interview with Judith Kerr, Bea Lewkowicz Archive. 2001. URL: <https://bit.ly/3zkpaSq> (accessed: 01.07.2022).

Kerr J. A Small Person Far Away. London: Harper Collins Children's Books, 2013. 216 p.

Kerr J. Bombs on Aunt Dainty. London: Harper Collins Children's Books, 2012. 336 p.

Kerr J. When Hitler Stole Pink Rabbit. London: Puffin Books (reissue edition). 2009. 192 p.

Lejeune Ph. Le pacte autobiographique. Paris: Seuil. 1996. 384 p.

Статья поступила в редакцию 05.08.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The article was submitted 05.08.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 01.09.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Демьяненко Дарья Викторовна — магистр педагогики, филологический факультет, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, ddemyanenkova@bk.ru

Demianenkova Daria Viktorovna — Master of Pedagogy, Faculty of Philology, Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russian Federation, ddemyanenkova@bk.ru

Разумахина Ксения Юрьевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры зарубежной литературы, филологический факультет, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, razumakhina.kseniya@inbox.ru

Razumakhina Kseniya Yurievna — Candidate of Sciences (Philology), Assistant at Foreign Literature Department, Faculty of Philology, Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russian Federation, razumakhina.kseniya@inbox.ru